



СИТУАЦИЯ ПОСТФОЛЬКЛОРА

ГОРОДСКИЕ ТЕКСТЫ И ПРАКТИКИ



УДК 398
ББК 82
С41

Сборник подготовлен в рамках исследовательской программы
«Тексты—традиции—практики в устной культуре:
структурно-семиотический, функциональный, коммуникативный аспекты»
Школы актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС

Редакционная коллегия:

М.В. Ахметова, С.Ю. Неклюдов, Н.В. Петров, Е.П. Шумилова

Составители:

М.В. Ахметова, Н.В. Петров

Редакторы английских аннотаций:

Д.И. Антонов, М.О. Гардер

С41 Ситуация постфольклора: городские тексты и практики. — М.:
ФОРУМ, 2015. — 216 с.
ISBN 978-5-91134-984-4

В книге представлены материалы научной конференции «Ситуация постфольклора: городские тексты и практики», проведенной Лабораторией теоретической фольклористики Школы актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС 3—4 апреля 2014 г. В сборник вошли статьи о современном фольклоре (постфольклоре) и об истории его собирания, о ритуализованных практиках в современном городе, о субкультурах, о городском «локальном тексте».

Для специалистов в области фольклористики, этнологии, культурологии и широкого круга читателей.

The book focuses on the materials of the conference “The situation of Postfolklore: Urban texts and practices” held by the Laboratory of Theoretical Folklore Studies (School of Advanced Studies for the Humanities, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow) in 2014, April 3—4. The authors discuss and analyze local urban texts, contemporary folklore (the so-called postfolklore), history of modern folklore studies, ritual practices and subcultures in a modern city.

The book is intended for students and scholars — historians, philologists, cultural and social anthropologists, specialists in art, religious and folklore studies, and also for all readers interested in contemporary culture and folklore of Russia.

УДК 398
ББК 82

© Коллектив авторов, 2014
© Институт общественных наук РАНХиГС, 2014
© Издательство «ФОРУМ», 2014

ISBN 978-5-91134-984-4

Содержание

От составителей

Город после города: городской текст в эпоху постфольклора	7
Орлов И.Б. «Словно мухи, тут и там...»: слухи как источник коммуникации в пространстве постфольклора	12
Рычкова Н.Н. Собрание и изучение городских песен	22
Радченко Д.А. «Святое письмо» в советской школьной парте	53
Петров Н.В. Современный мегаполис в устных рассказах и неинституализованных ритуалах («фольклорная карта Москвы»)	64
Мороз А.Б. Сакральные места в городском и сельском пространстве: традиционные и новые практики	89
Касаткина А.К. «Воображаемая статья»: приемы текстуализации в устном повествовании современной городской рассказчицы историй	101
Агапов М.Г., Корандей Ф.С. «Дрейфующая лакуна» или «история одного поколения»? Прошлое в представлениях тюменских краеведов	109
Байдуж М.И. Седьмая башня Сатаны, или Город-болото: негативные образы Тюмени в современных городских нарративах	126
Давыдова А.С. Строительство православных храмов: легенды и представления жителей малых городов Мурманской области (на примере г. Кировска)	154
Жарков Г.В. Рискованные практики в современных молодежных субкультурах и оформляющие их тексты: тенденции развития	166
Гладких Н.В. Маленькие боги (во что играли советские дети в 1970-е годы)	181
Аннотации	201
Abstracts	208

Орлов Игорь Борисович

Доктор исторических наук, профессор, заместитель руководителя департамента политической науки (Национальный исследовательский университет — Высшая школа экономики, Москва)

«Словно мухи, тут и там...»: слухи как источник коммуникации в пространстве постфольклора

Аннотация: В статье такое неоднозначное явление, как слухи, рассматриваются как своеобразная народная версия истории, разновидность неформальной коммуникации, генератор картины мира, специфический речевой и фольклорный жанр.

При этом, по мнению автора, слух вполне вписывается в характеристики постфольклора. Например, как и в случае с «наивной» литературой, интерес к слуху обусловлен не его художественными качествами, а обстоятельствами возникновения. Как и иные формы постфольклора, слухи могут распространяться далеко за пределы породившей их среды. В свою очередь, Интернет не только служит эффективным каналом распространения слухов, но и задает новые характеристики коммуникации — анонимность, умноженную на анонимность. Признаком постфольклора является и использование слухов в качестве коммерческой рекламы, получившее наименование «вирусного маркетинга».

Таким образом, слух, помимо информационной составляющей, механизма передачи общественного мнения и настроения и средства психологического воздействия, обретает еще одно «измерение» — постфольклорное. Это позволяет расширить границы использования «слуховой культуры» как источника реконструкции исторических (особенно латентных) процессов.

Ключевые слова: слухи, неформальная коммуникация, постфольклор.

Петров Никита Викторович

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник (Лаборатория теоретической фольклористики, Школа актуальных гуманитарных исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва); старший преподаватель (Центр типологии и семиотики фольклора, Российский государственный гуманитарный университет, Москва)

Современный мегаполис в устных рассказах и неинституализованных ритуалах («Фольклорная карта Москвы»)

Аннотация: В статье анализируется ситуация, сложившаяся в последние годы в связи с исследованием «московского текста», а также публикуется реестр почитаемых и знаковых объектов Москвы и Подмосковья, связанных с различными фольклорными сюжетами и ритуализованными практиками. Это сюжеты, связанные с историческими личностями (преимущественно советской эпохи — Сталин, Берия, Ленин и др.); тексты о «нехороших» и «таинственных» местах,

Игорь Борисович Орлов, доктор исторических наук, профессор
заместитель руководителя департамента политической науки,
Национальный исследовательский университет - Высшая школа экономики
(Москва)

**«Словно мухи, тут и там...»:
слухи как источник коммуникации в пространстве постфольклора¹**

Igor Borisovich Orlov, doctor of historical Sciences, Professor
Deputy head of the Department of political science,
National research University - Higher school of Economics (Moscow)

**«Like flies here and there...»:
gossip as a source of communication in the space of postfolklor**

Аннотация

В статье такое неоднозначное явление как слухи рассматриваются как своеобразная народная версия истории, разновидность неформальной коммуникации, генератор картины мира и специфический речевой и фольклорный жанр.

При этом, по мнению автора, слух вполне вписывается в характеристики постфольклора. Например, как и в случае с «наивной» литературой, интерес к слуху обусловлен не его художественными качествами, а обстоятельствами возникновения. Как и иные формы постфольклора, слухи могут распространяться далеко за пределы породившей их среды. В свою очередь, Интернет не только служит эффективным каналом распространения слухов, но и задает новые характеристики коммуникации — анонимность, умноженную на анонимность. Признаком постфольклора является и использование слухов в качестве коммерческой рекламы, получившее наименование «вирусного маркетинга».

Таким образом, слух, помимо информационной составляющей, механизма передачи общественного мнения и настроения и средства психологического воздействия, обретает еще одно «измерение» — постфольклорное. Что позволяет расширить границы использования «слуховой культуры» как источника реконструкции исторических (особенно латентных) процессов.

Abstract

The article is devoted to such ambiguous phenomenon as gossip. It is considered as a kind of people's version of history, as a kind of informal communication, as creator of world picture and as specific genre of speech.

According to the author, gossip quite conform to postfolklor. For example, as in the case of «ingenuous» literature, interest for gossip is not due to its artistic qualities but to circumstances of appearance. As other forms of postfolklor rumors can come far out of causing sphere. Besides, the Internet is not only an effective channel of gossip, but also gives new characteristics to communication - anonymity multiplied by anonymity. Using rumors as commercial advertising, which received the name of «viral marketing» is an indication of postfolklor.

In addition, gossip with the informational component, mechanism of public opinion, sentiments and psychological influence produces another «measure» - postfolklor. This allows to expand the using of «auditorial culture» as a source for historical reconstruction of processes (especially latent).

¹ Опубликовано: Орлов И.Б. «Словно мухи, тут и там...»: слухи как источник коммуникации в пространстве постфольклора // Ситуация постфольклора: городские тексты и практики. М.: ФОРУМ, 2015. С. 12-21.

Ключевые слова: слухи, неформальная коммуникация, постфольклор

Keywords: gossip, rumors, informal communication, postfolklor.

*Наша история — это во многом история слухов
(В. В. Кабанов, советский и российский историк)*

Действительно, слухи представляют собой своеобразную, пусть и искаженную, народную версию истории. Они вполне вписываются в набор источников устной истории [Орлов 2006]. Например, в годы Первой мировой войны по всей стране упорно ходили слухи об измене, гнездившейся в царской семье. Но не менее распространены были и верноподданнические настроения, которые подпитывали циркулировавшие в крестьянской среде слухи о том, что царь отнимет у «панов» землю и отдаст крестьянам [Поршнева 2000: 130]. Немало панических слухов породило и неожиданное нападение Германии на СССР; при этом у значительной части советских граждан начало войны не вызвало чувства тревоги, судя по слухам о скором окончании войны. Находившиеся в Москве иностранцы искренне удивлялись оптимизму жителей советской столицы [Гиленсон, Дангулов 1985: 28]. Впрочем, иногда слухи «конструировали» нереальные события. После разрыва дипломатических отношений с Великобританией в мае 1927 г. многочисленные сводки ОГПУ фиксировали широкое распространение слухов о скорой войне против Антанты. Правда, во многом этому способствовало обращение ЦК партии «Об угрозе военной опасности», указавшее на близость войны [КПСС в резолюциях 1984: 175].

Слухи, как народные картинки» на светский сюжет, являются, с одной стороны, продуктом традиционного общества, а с другой, следствием разлома последнего и его входа в «модерное» состояние. Во втором случае посредством передачи и обсуждения слухов население адаптируется к новым общественным реалиям. Одновременно переход к современному обществу, сопровождавшийся развитием средств массовой информации, всё более сужал роль слухов в жизни общества, смещая их на периферию не только общественно-политическую, но и географическую — в провинцию. В провинции слухи, с одной стороны, были важной формой выражения общественного настроения и мнения, а с другой — сами способствовали их формированию [Иванов 2001: 35]. Впрочем, ранний советский социум, представлявший собой «гремучую смесь» из горожан и вчерашних крестьян, особенно в столичных городах и крупных промышленных центрах, во многом сориентирован на предмодерновые установки, включая специфическую «слуховую культуру». Иную картину демонстрирует и общество постмодерна: слухи о китайской угрозе, войне с Западом и прочих якобы скрываемых властями «тайных процессах» чрезвычайно распространены в современных мегаполисах. В отличие от ранней советской

эпохи с партийной монополией на информацию, распространение слухов стимулируется, наоборот, обилием и противоречивостью последней. И еще один исторический факт. Если в столичных и крупных промышленных городах первое место в структуре слухов занимали и продолжают занимать слухи о политике и политиках, то анализ провинциальных слухов показывает, что доминирующее значение среди них имеют т.н. социальные слухи [Карнишина 2001: 32]. Например, о дополнительных хлебных реквизициях в годы Гражданской войны, очередном повышении продналога в период нэпа или принудительной сдаче мяса населением при Н. Хрущеве («рязанская афера»). Справедливости ради стоит заметить, что многие эти и другие слухи оказывались далеко не беспочвенными.

Кроме того, значение слухов возрастает в переломные, нестабильные эпохи, атмосфера которых служит благоприятной почвой для возникновения разного рода страхов, опасений и вместе с тем надежд [Зубкова 1998: 28]. Пример тому — письмо стрелочника Е. Панкина в Петроградский совет, принявшего телеграммы «провокационного характера» со станции Вожега, в которых говорилось об аресте в Петрограде Ленина и Троцкого и самосуде толпы над ними. Хотя «истина этих депеш по наведенным справкам у дежурного по станции Вожега не подтвердилась», по мнению бдительного стрелочника, подобные депешки могли «вызвать на кровавое столкновение с местными интеллигентами, сочувствующими программе кадетов».² Аналогичные «провокационные» слухи о взятии поляками Петрограда в ходе советско-польской кампании 1920 г. распространяли крестьяне.

В период продрозверстки крестьяне, жалуясь на отсутствие в деревнях промышленных товаров, постоянно ссылались на слухи о том, что заводы их производят. Отсюда выросло традиционное объяснение сложившейся ситуации, перекладывавшее вину за нее на местные власти. В годы Русско-японской и Первой мировой войн распространение плохих новостей с театров военных действий способствовало распространению различных домыслов, а хорошие новости, как правило, производили обратный эффект. К примеру, некоторые российские издания связывали сдачу Порт-Артура комендантом крепости генерал-адъютантом Стесселем с получением взятки от японцев. А неудачи на германском фронте нередко объяснялись наличием «немецкой партии» и измены при дворе. И, наоборот, во время обороны Порт-Артура с воодушевлением обсуждался слух о возможном назначении командующим эскадрой капитана 1-го ранга Вирена, с именем которого связывали поддержание «духа» погибшего адмирала Макарова. Вспомним, какой общественный подъем, особенно после военных

² ГАРФ, ф. 1235, оп. 55, д. 12, л. 97—98.

неудач 1915 г., вызвали зачастую приукрашенные сообщения о Брусиловском прорыве. Вообще слух нередко выстраивается по принципу оппозиции «свои — чужие». К примеру, в октябре 1923 г. прихожане кисловодского Николаевского собора обратились с доносом в наркомат рабоче-крестьянской инспекции, президиум ВЦИК и к прокурору РСФСР на своих религиозных оппонентов — местных представителей «Живой церкви». Показательно, что одним из аргументов в «споре» стали распространяемые «живоцерковниками» слухи о передачи патриархом Никоном церковной власти Высшему церковному управлению. Тогда как имел место факт передачи только патриаршей канцелярии³. Не брезговали ссылаться на слухи и сами представители власти. Так, председатель Комитета по земельному устройству трудящихся евреев при президиуме Совета национальностей ЦИК СССР П. Г. Сидович в секретной записке, направленной на имя И. В. Сталина в мае 1925 г., пишет, что слухи об «особых льготах для переселения евреев» стали препятствием для создания на Украине аналогичных комитетов⁴.

СЛУХ КАК КАНАЛ КОММУНИКАЦИИ:

«ИСПОРЧЕННЫЙ ТЕЛЕФОН» ИЛИ «РАДИОСТАНЦИЯ СВОБОДЫ»?

Слухи как разновидность неформальной коммуникации существовали всегда, однако в СССР состояние информационного пространства создавало условия для их активного формирования и распространения. Известный популяризатор науки 1920-х гг. Я. И. Перельман показал на простом математическом примере, что провинциальный 50-тысячный город может узнать свежую новость, привезенную столичным жителем, в течение самого ближайшего времени: от 1 часа до 2,5 часов [Перельман 1934: 92-96]. Не случайно И. В. Нарский, изучая стратегии выживания жителей Урала в условиях революции и Гражданской войны, большое внимание уделил «простонародным интерпретациям» происходивших со страной и обществом событий, и прежде всего слухам [Нарский 2001: 561]. Ведь слухи свидетельствуют о том, «что народ жил не радостью свершаемого, как нам твердила официальная пропаганда, а в тревожном ожидании неизвестного» [Кабанов 1997: 1]. Сотрудник Хоперского военкомата некто И. Евстратов в докладе в Казачий отдел ВЦИК о политической и культурно-просветительной работе в Хоперском округе Донской области (ноябрь 1920 г.) обратил внимание на механизм формирования слухов. Публика, переставшая «интересоваться старыми речами, поливавшими ее водой общих мест, отвлеченных фраз, давно

³ ГАРФ, ф. 374, оп. 21, д. 41, л. 224—236.

⁴ ГАРФ, ф. 54546с, оп. 55, д. 856, л. 9.

высказанных мыслей», реагировала на «свежее, новое в политическом отношении» распространением слухов⁵.

Тем не менее долгое время в среде представителей социогуманитарного знания слухи не считались объектом сколько-нибудь серьезного исследования. Зато сегодня у подавляющей массы ученых нет сомнений, что слухи являются не только способом передачи социально значимой информации, но и источником реконструкции и понимания отдельных (особенно латентных) социальных явлений и процессов.

В литературе существуют различные точки зрения на сущность слухов: от «испорченного телефона» и даже «интеллектуального рака», загрязняющего информационную среду и разрушающего общественные связи, до «главной радиостанции свободы». Более нейтральна характеристика слухов как совокупности информации о неподтвержденных событиях, «теневом рынке» информации, ценность которой заключается в ее неофициальности и доверительности (см. [Амелин 1992: 62—63; Балянин; Дмитриев и др. 1996: 84]). Слух позволяет зафиксировать уникальную информацию, не передаваемую другим путем. Хотя часть слухов не имеет под собой реальной основы, даже в содержании последних можно обнаружить отзвуки произошедших событий и их оценки, общественные ожидания и индивидуальные притязания. Активная циркуляция слухов о покушении «евреев», «студентов» и «революционеров» на символы царской власти и церковные святыни в годы Первой русской революции и о грядущей или свершившейся смене власти в Петрограде на всем протяжении 1917 г. стала основанием для всплеска коллективных страхов. Эмоциональное напряжение и повышенная возбудимость создавали дополнительную внушаемость к слухам, способствуя распространению порой самых невероятных нелепостей, например, об убийстве Керенского, «заговоре» кавказцев, китайцев и цыган, штурме Зимнего Дворца переодетыми в русскую военную форму немецкими офицерами. Более того, обыватель нередко черпал из слухов информацию, служащую руководством к действию. То есть слухи выступают специфической формой стихийного группового поведения. Пример тому — хлебная паника периода Февральской революции 1917 г. как одна из основных причин беспорядков в Петрограде [Аксенов 2002: 34—35]. Слухи, достигая определенной степени интенсивности, порождали фобии, которые могли превратиться в массовые действия, в неповиновение власти и т. д. Показательно, что осенью 1917 г., после первых слухов о падении Временного правительства, в стране поднялась волна разгромов казенных винных складов. Даже однолошадные и однокоровные крестьяне, напуганные конфискациями 1918—1920 гг., реагировали на

⁵ ГАРФ, ф. 1235, оп. 84, д. 9, л. 398.

ложные слухи об усилении натуральных повинностей массовым забоем мелкого скота и молодняка. При этом действительные реквизиции скота сопровождались слухами, что пропавшее мясо зарывалось в землю или раздавалось голодающему населению⁶.

Согласно так называемому базовому закону слухов Г. Олпорта, количество циркулирующих слухов зависит от изменения важности события, умноженной на неоднозначность информации об этом событии. Другими словами, слухи распространяются, когда отражаемые события важны для аудитории, а полученные известия либо недостаточны, либо двусмысленны. Быстрота их распространения прямо пропорциональна интересу к тематике и обратно пропорциональна числу официальных сообщений по данной теме и авторитетности источников информации [Олпорт 2002: 139; Робер, Тильман 1988: 173]. Чем меньше у населения возможности доступа к достоверной информации, тем более широким является поле для возникновения разного рода слухов. Как правило, распространение слухов на уровне межличностного общения делает передаваемую информацию более достоверной. При этом слухи, распространяясь стихийно, предпочитают «свою» публику, которая приспособливает достоверность слухов к своему опыту и ожиданиям [Дмитриев 1998: 251—252]. Вспомним, что в начальный период Великой Отечественной войны неудачи советских войск приводили к появлению пессимистических слухов о новых грандиозных потерях и о расколе среди советского руководства. Распространялись даже абсолютные нелепости, будто Ворошилов ранен и настаивает на сдаче Ленинграда немцам, а Буденный находится в плену [Каргин 2000: 31].

СЛУХ: РЕЧЬ И/ИЛИ ТЕКСТ?

Но слухи — не только следствие, но и генератор определенной (эмоционально окрашенной и образной) картины мира. По мнению этнолингвиста Е. Е. Левкиевской, сколь скоротечны бы слухи не были, они опираются на устойчивые культурные модели, относящиеся к «базовым элементам национальной картины мира». В силу этого она определяет слухи не только как канал коммуникации, но и как специфический (существующий только в рамках устной культуры и неформального дискурса) речевой и фольклорный жанр [Левкиевская 2009]. Социолог Б. В. Дубин предпринял попытку «типологического конструирования» слухов, то есть выявления их структуры и функциональной значимости. Рассматривая слухи как особый способ записи и передачи культурных значений (в том числе, в современном посттрадиционном обществе), исследователь сближает их (прежде всего, по фундаментальной характеристике устности) с текстами «фольк-культуры» или «традиционной культуры» [Дубин 2001: 70—71].

⁶ ГАРФ, ф. 1235, оп. 56, д. 8, л. 101.

Некоторые слухи фиксировались авторами докладных записок, доносов и секретных сводок, корреспондентами газет, в мемуарах, дневниках и письмах, становясь частью письменного источника. Логика рассуждений французского лингвиста Эмиля Бенвениста позволяет характеризовать слух не только как «речь», но и как некий «рассказ» — относительно обобщенное (не сводимое к частному случаю) и «достоверное» сообщение от имени отсутствующих анонимных «чужих». Более того, «литература слухов» становится средством жанрового и языкового обновления словесности [Дубин 2001: 73].

При этом слух, как продукт разломанного мира, выходит за рамки традиционного фольклора, трансформируясь в форму постфольклора. По определению С. Ю. Неклюдова, постфольклор представляет собой область словесности, тексты которой развиваются по фольклорным схемам, но не подходят под формальные критерии фольклора (например, граффити, девичьи альбомы и так называемый сетевой фольклор). Как «третья культура», постфольклор дистанцирован и от элитарной, и от патриархальной культуры, включая в себя массовую культуру, низовой фольклор и «наивную» литературу, создаваемую непрофессиональными авторами (см. [Неклюдов 1995]).

Своей апелляцией к нерасчлененному коллективному «мы» слух, отчасти, близок к традиционному фольклору. Некоторые исследователи считают, что, как в сказке и былине, образующими элементами слухов служат социально значимые герои и экстраординарные события, обнажающие ипостась реальности (см. [Дубин, Толстых 1993]). Подобно анекдоту, слух аккумулирует культурные значения социальных иерархий, ролей и статусов и является способом символической адаптации нового и чужого к прежнему и своему. Хотя, в отличие от сказок и былиц, слух (как и былина) подается как достоверное сообщение.

«Тайный шепот широких масс» [Ахиезер 1991: 339] формирует общую духовную атмосферу в обществе. Если рассматривать слухи как традиционалистскую реакцию на модернистскую (и затем постмодернистскую) перестройку сложившейся картины мира и его реалий, то становится понятным «жанровая» характеристика слуха с его актуализацией сенсационности, скандальности и разоблачительства. Особенно ярко разоблачительский пафос проявляется в информационно закрытых обществах, отражая процесс «социального производства неведения» [Дубин 2001: 77].

Помимо недоверия к официальной информации и ее недостаточности по злободневным вопросам, существенную роль играет потребность человека или социальной группы повысить свой статус посредством передачи «конфиденциальной» информации. Переносчик слухов выступает не только носителем «знания для

посвященных», но и «оракулом», дистанцирующимся от анонимного источника информации и акцентирующим внимание на собственной нейтральности в отношении к содержанию «слухового сообщения». Слухи могут быть забыты уже на следующий день, но могут, передаваясь из поколения в поколение, превращаться в устойчивые тексты. Ориентация на мифотворчество и распространение «потаённого знания» сближает слухи с обрядовым фольклором.

СЛУХ: ОТ ФОЛЬКЛОРА К ПОСТФОЛЬКЛОРУ

Но при этом слух вполне вписывается в характеристики постфольклора. К примеру, как и в случае с «наивной» литературой, интерес к слуху обусловлен не его художественными качествами, а обстоятельствами его возникновения. Кроме того, слух в современном мире всё более дифференцируется по социальным стратам и сообществам, становясь языком групповой (корпоративной) доверительной коммуникации. Своей доверительностью и ориентацией на личности он разрушает ролевую структуру общества. С сетевым фольклором (как и фольклором, вообще) его объединяет анонимность. При этом «слухмейкер» может создавать и распространять несколько слухов одновременно. Двойственность роли «хорошо информированного гражданина» (по определению Альфреда Шютца) связана с его положением посредника «между миром “чужих” и “своих”, соединения нового с привычным» [Дубин 2001: 77].

В советской действительности любая информация за рамками официальных сообщений была представлена в форме слуха. Впрочем, источником слухов и их распространителями могли быть и сами газеты и журналы. Слухи порождали массу вопросов, с которыми люди обращались в различные инстанции, включая газеты. Именно на основе подобных вопросов редакции и создавались рубрики типа «Ответы на письма читателей». Вспомним, что постфольклор относится к так называемой третьей культуре, включающей в свою очередь, не только низовой фольклор «для потребления», но и продукты массовой культуры «для сбыта» [Неклюдов 2006: 122]. Тем самым «официозные» каналы распространения слухов вполне вписываются в постфольклорное пространство. Как правило, постфольклор идеологически маргинален, но подобная характеристика вполне может быть отнесена к слухам, производитель и распространитель которых стремится (особенно в авторитарных и тоталитарных обществах) к идеологической нейтральности.

Благодаря совершенствованию средств массовой коммуникации и процессам глобализации увеличивается скорость распространения слухов, и расширяются границы их распространения. Одновременно слухи всё больше специализируются по тематике

интересующихся ими социальных групп и профессиональных сообществ. Отчасти это связано с тем, что в ходе циркуляции слух имеет тенденцию становиться более сжатым и одновременно заостренным на оставшихся деталях, приспосабливаясь с потребностями и чувствами воспринимающих его людей. Но при этом слухи, как и иные формы постфольклора, могут распространяться далеко за пределы породившей их среды. Кроме того, Интернет не только служит удобным и эффективным каналом распространения слухов, но и задает новые характеристики коммуникации — анонимность, умноженную на анонимность. Интернетлор (иногда употребляются термины «нетлор» и «фолькнет»), судя по социологическим опросам, оказался предрасположенным к распространению слухов. Признаком постфольклора является и использование слухов в качестве коммерческой рекламы, получившее наименование «вирусного маркетинга». В основе последнего лежит распространение рекламы самими потребителями через обмен мнениями о том или ином продукте или услуге (нередко в форме баек), что создает эффект доверительности послания.

Таким образом, слух, помимо информационной составляющей, механизма передачи общественного мнения и настроения и средства психологического воздействия, обретает еще одно «измерение» — постфольклорное. Это позволяет расширить границы использования «слуховой культуры» как источника реконструкции исторических (особенно латентных) процессов.

Литература

Аксенов 2002 — *Аксенов В. Б.* Повседневная жизнь Петрограда и Москвы в 1917 году: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2002.

Амелин 1992 — *Амелин З.* Социология политики. М.: Изд-во МГУ, 1992.

Ахиезер 1991 — *Ахиезер А. С.* Россия: критика исторического опыта. Т. 3. М.: Философское общество СССР, 1991.

Балянин — *Балянин К. Ю.* Так ли безобидны слухи // Master Mind: [Электрон. ресурс] (<http://mastermind-company.ru/sluhi>).

Гиленсон, Дангулов 1985 — *Дорога на Смоленск. Американские писатели и журналисты о Великой Отечественной войне советского народа. 1941—1945 / Пер. с англ.; Послесл. и коммент. Б. А. Гиленсона; Предисл. М. А. Дангулова.* М.: Прогресс, 1985.

Дмитриев 1998 — *Дмитриев А. В.* Социология политического юмора: Очерки. М.: РОССПЭН, 1998.

Дмитриев и др. 1996 — *Дмитриев А. В., Латынов В. В., Хлопьев А. Т.* Неформальная политическая коммуникация. М.: РОССПЭН, 1996.

Дубин 2001 — *Дубин Б. В.* Речь, слух, рассказ: трансформация устного в современной культуре // *Дубин Б. В.* Слово — письмо — литература: Очерки по социологии современной культуры. М.: Нов. лит. обозрение, 2001. С. 70—81.

Дубин, Толстых 1993 — *Дубин Б. В., Толстых А. В.* Слухи как социально-психологический феномен // Вопросы психологии. 1993. № 3. С. 15—31.

Зубкова 1998 — *Зубкова Е. Ю.* Мир мнений советского человека. 1945—1948 годы. По материалам ЦК ВКП(б) // Отечественная история. 1998. № 3. С. 25-39.

Иванов 2001 — *Иванов Ю. А.* Религиозно-политическая жизнь российской провинции 1860—1910-х гг.: уездный уровень: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Иваново, 2001.

Кабанов 1997а — *Кабанов В. В.* Источниковедение истории советского общества: Курс лекций. М.: РГГУ, 1997.

Кабанов 1997б — *Кабанов В.* Советская история в слухах // История. 1997. № 29. С. 1—3.

Каргин 2000 — *Каргин Д. И.* Великое и трагическое. Ленинград 1941—1942. СПб.: Наука, 2000.

Карнишина 2001 — *Карнишина Н. Г.* Столица и провинция в России: управление, контроль, информационная среда (середина 50-х — 80-е гг. XIX века): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2001.

КПСС в резолюциях 1984 — КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 4. 9-е изд., доп. и испр. М.: Политиздат, 1984.

Левкиевская 2009 — *Левкиевская Е. Е.* Слухи как речевой жанр: [Тез. Весенней школы — 2009] // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика: [Электрон. ресурс] (http://www.ruthenia.ru/folklore/ls09_program_levkievskaya.htm).

Нарский 2001 — *Нарский И. В.* Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917—1922 гг. М.: РОССПЭН, 2001.

Неклюдов 1995 — *Неклюдов С. Ю.* После фольклора // Живая старина. 1995. № 1. С. 2—4.

Неклюдов 2006 — *Неклюдов С. Ю.* Фольклор и его исследования: век двадцатый // Экология культуры. Архангельск, 2006. № 2. С. 121—127.

Олпорт 2002 — *Олпорт Г.* Становление личности: избранные труды. М.: Смысл, 2002.

Орлов 2006 — *Орлов И. Б.* Устная история: генезис и перспективы развития // Отечественная история. 2006. № 2. С. 136—148.

Перельман 1934 — *Перельман Я. И.* Живая математика. М.; Л.: Гостехиздат, 1934.

Поршнева 2000 — *Поршнева О. С.* Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период первой мировой войны (1914 — март 1918 г.). Екатеринбург: УрО РАН, 2000.

Робер, Тильман 1988 — *Робер М. А., Тильман Ф.* Психология индивида и группы. М.: Прогресс, 1988.